

УДК 316.33(34)
ББК 60.5
С 69

Публикуется по решению
Ученого совета СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН

Рецензенты:
доктор социологических наук В.И. Ильин
кандидат исторических наук Т.Б. Щепанская

Социальное пространство большого города [монография] /
Отв. ред. Г. В. Еремичева. – СПб.: СИ РАН – филиал ФНИСЦ
РАН, 2018. – 406 с.
ISBN 978-5-94348-047-8

В монографии представлены результаты социологических исследований перемен в крупном современном городе. Работа подготовлена в рамках научного проекта «Социальное структурирование городских пространств в современной России», выполняемого Социологическим институтом ФНИСЦ РАН. В числе приоритетных тем – радикальные изменения в профессиональной и трудовой занятости, потреблении, повседневной культуре и досуге, миграционной и политической активности жителей города в условиях растущей урбанизации, продолжающегося экономического кризиса и углубляющегося социального неравенства.

Монография адресована всем интересующимся вопросами современной урбанистики, проблемами комплексного развития российских городов.

© Коллектив авторов, 2018
© СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
ISBN 978-5-94348-047-8 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Раздел I. ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ	
Глава 1. Современные направления исследований российских городов.....	14
Глава 2. Урбанизация и труд: теоретические подходы.....	35
Глава 3. Ключевые исследователи в финской социологии города.....	44
Глава 4. Урбанизация в Китае: взгляд изнутри.....	55
Глава 5. Социальные конфигурации городских локальных сообществ.....	88
Раздел II. ЛЮДИ И ОБЪЕКТЫ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЖИЛИЩНЫЕ НЕРАВЕНСТВА, ПРАКТИКИ, ПОЛИТИКИ	
Глава 6. Освоение городского пространства через жилищное строительство и жилищную политику: ретроспективный и перспективный анализ.....	108
Глава 7. Семейный контекст жилищного кредитования в России: случай держателей ипотек.....	152
Глава 8. Жилищная стратификация в условиях трансформации жилищного сектора в Российской Федерации.....	173
Глава 9. Современный «спальный район» Санкт-Петербурга: пример освоения территории и градостроительной политики.....	193

эффективное использование эмпирической информации разного уровня (социальная статистика, количественная и качественная база данных) разные уровни доказательности и верифицируемости сделанных выводов.

В подготовке монографии участвовали:

Еремичева Г.В.: введение, главы 2 (в соавт. с Евдокимовой Е.П.), 3 (перевод с англ.), 6, 8, 9, заключение, общая редакция.

Бизюков П.В.: глава 14.

Евдокимова Е.П.: главы 2 (в соавт. с Еремичевой Г.В.), 10, 15.

Еременко Ю.В.: глава 17.

Земнухова Л.В.: глава 11.

Маннилла С.: глава 3 (перевод с англ. Еремичевой Г.В.).

Меньшикова Г.А.: глава 4 (в соавт. с Прuellем Н.А., Цянь Хаожанем).

Муфтахова А.Н.: глава 8.

Прuell Н.А.: глава 4 (в соавт. с Меньшиковой Г.А., Цянь Хаожанем).

Руденко Н.И.: глава 12.

Сергеева О.В.: глава 16.

Тыканова Е.В.: главы 1, 5, 7 (в соавт. с Хохловой А.М.).

Хохлова А.М.: глава 5, 7 (в соавт. с Тыкановой Е.В.).

Цянь Хаожань: глава 4 (в соавт. с Меньшиковой Г.А., Прuellем Н.А.).

Чистякова Н.Е.: глава 13.

Глава 5. Социальные конфигурации городских локальных сообществ*

Вопрос о том, насколько в стремительно растущих городах Европы возможно сохранение локализованных сообществ, возник в городской социологии уже в начале XX в. Первоначально попытки ответить на данный вопрос предпринимались в основном в рамках дискуссии о сравнительных характеристиках городского и сельского образа жизни. При этом социология сельской местности (*англ.* – *rural sociology*), зажатая в тисках аграрного фундаментализма, первоначально констатировала существование социальных различий между городом и деревней скорее в качестве аксиомы, чем в качестве обоснованного вывода, сделанного на основе эмпирических исследований (критику см.: Duncan 1950; Taylor, Jones 1964). Во многих работах 1940-1950-х гг. явно просматривается тенденция описывать и оценивать «городскую форму социальной жизни» как более или менее выраженное отклонение от нормы, которой выступает деревня. Урбанизация в этих ранних исследованиях оценивается как сугубо негативный феномен (Koetter, Krekeler 1977: 10).

Парадоксальным образом тенденция позитивной оценки деревенского сообщества и описания города как некой социальной девиации с течением времени меняется на прямо противоположную. Уже в 1950-х гг. социологи с тревогой констатируют динамичное развитие пригородов (*англ.* – *suburbs*), видя в их концентрации на семье и тяге к созданию замкнутых сообществ угрозу для индустриального прогресса (Whetten 1951).

Для характеристики отношений между большим городом и другими типами поселений традиционно используется классическое различие «общества» (*нем.* – *Gesellschaft*) и «сообщества» (*нем.* – *Gemeinschaft*), предложенное Фердинандом

---

* В главе 5 представлены результаты исследования, выполненного за счет гранта Российского научного фонда (проект «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий», № 18-78-10054).

Теннисом (Тоеннис 1969). Описывая доиндустриальную деревню, Теннис подчеркивал значимость отношений соседства. Он считал, что совместное проживание, близость сельскохозяйственных угодий, постоянное общение, привычка друг к другу обуславливают прочные отношения доверия и взаимозависимости между деревенскими жителями (Ibid.: 63). Но и небольшие города покоятся на тех же принципах, являя собой пример сообщества (Gemeinschaft) со стабильным членством и низким уровнем мобильности. Однако побочным эффектом взаимной лояльности и полной интеграции всех членов сообщества становится усиление социального контроля и ужесточение негативных санкций. Возникновение больших городов индустриальной эпохи знаменуется формированием новых коммуникативных паттернов, предполагающих поверхностность, формальность и рациональность социальных контактов, а значит, возникновением «общества», или Gesellschaft (Ibid.: 247). Отношения в таких городах характеризуются высоким уровнем анонимности и функциональности, но зато обеспечивают индивидуальную свободу горожан и порождают большое разнообразие возможностей. Расширение метрополисов создает противоречия между растущими индустриальными центрами и окружающей их сельской местностью и становится причиной конфликтов между городской и национальной администрациями.

Дихотомию двух типов поселенческой и, соответственно, социальной структуры также анализировал Роберт Редфилд, выделяя в качестве полюсов малочисленное и гомогенное «общество сельской местности» (англ. – folk society) и обширное и разнообразное «городское общество» (англ. – urban society) (цит. по: Merveldt 1971: 28). Как и другие исследователи, использующие названную оппозицию, он рассматривал крупный город и другие типы поселений как две жестко противопоставленные друг другу культуры, коренным образом отличные друг от друга. При этом к числу характерных черт городской социальной среды, как правило, относятся гетерогенность населения, высокая степень социальной

дифференциации и социальной мобильности, значимость вторичных, формальных контактов (Koetter, Krekeler 1977: 4-5), а при сравнении часто используются оппозиции «типовая культура – культура индивидуализма», «традиция – рациональность», «доверие – отстраненность» и пр.

Несмотря на излишнюю радикальность подхода, противопоставляющего жизнь в городе и деревне, в его рамках было сделано немало интересных наблюдений, легших в основу продуктивных гипотез. Наибольшее распространение получила концепция «городского образа жизни» (*англ.* – urbanism as a way of life) представителя Чикагской школы Луиса Вирта, определившего большой город как «относительно крупное и устойчивое поселение, характеризующееся высокой плотностью социально гетерогенных индивидов», обладающих, тем не менее, общим специфическим «способом жизни» (*англ.* – mode of life) или «умонастроением» (*англ.* – state of mind) (Wirth 1969: 50). В этом случае город рассматривается как целостный организм, обладающий органической социопространственной системностью и единой логикой прогрессивного развития (Амин, Трифт 2002).

Однако впоследствии оппозиции города – деревни и, соответственно, городского общества и сельского сообщества подвергаются жесткой и обоснованной критике. Так, К. Лэш прямо заявляет, что данные аналитические категории приводят социологию и социальную антропологию в тупик, так как являются упрощенными, недифференцированными и непродуктивными, а Дж. Гасфилд подчеркивает, что эти категории являются не более чем аналитическими абстракциями, едва ли поддающимися операционализации, а потому малопригодными для эмпирических исследований (цит. по: Brunt 2001: 80). В современном мире чрезвычайно затруднительно обнаружить «настоящие», «классические» сообщества с четкими пространственными границами, основанные исключительно на регулярном эмоционально нагруженном взаимодействии: ведь даже в маленьких деревнях, включенных в глобальную экономику, обнаруживаются элементы рационального

поведения. И наоборот, не существует таких сельских сообществ, элементы которых нельзя было бы обнаружить в городах (Там же).

Действительно, эмпирические исследования свидетельствуют о том, что хотя форма поселения оказывает влияние на функционирование социальных сетей и определяет способы поведения индивидов, но множественность социальных миров, которые представляют собой поселения различных типов, не может быть полно описана ни через выстраивание дихотомии большого города – деревни, ни даже через конструирование их непрерывного континуума (Koetter, Krekeler 1977: 22).

Во-первых, социальными учеными были зафиксированы динамичные тенденции распространения «городского образа жизни» в небольших городах и деревнях и его превращения в универсальный повседневный опыт (Germani 1964: 169). Объяснение этого процесса мы обнаруживаем в работах немецких социологов 1980-х гг., среди которых наибольшую известность приобретает книга Ульриха Бека «Общество риска», где отмечается, что социальная изоляция как крайняя форма ослабления социальных контактов не является специфической характеристикой городского социального пространства, а связана с общей тенденцией индивидуализации в современном мире (Beck 1986).

Во-вторых, эмпирические исследования 1960-х гг. зафиксировали значимые изменения и в природе городских социальных контактов, описав феномен так называемых «городских деревень» (*англ.* – *urban villages*), то есть относительно закрытых сообществ в рамках городского пространства, несущих в себе все признаки небольших поселений (высокая степень социальной сплоченности и закрытости, развитые первичные контакты). При неблагоприятных условиях такие сообщества (часто формировавшиеся на основе общей этнической идентичности) могли деградировать в трущобы, жители которых, замкнутые лишь в этих районах и потому не участвовавшие в общих публичных коммуникациях, идентифицировали себя исключительно с округой, а не с городом

в целом (Pahl 1965). С другой стороны, возникновение «закрытых сообществ» (*англ.* –gated communities) представителей высшего среднего класса Европы и Северной Америки, стремившихся к компактному расселению в пригородах, свидетельствовало о том, что пространственно укорененная коммуникация, основанная на стабильном членстве, исключении нежелательных «чужаков» и выраженном взаимном социальном контроле, остается привлекательной и для городских элит.

В-третьих, новейшие эмпирические исследования в странах третьего мира обнаруживают принципиально новые формы отношений между городами и сельской местностью. Так, Агюляр и Ворд, рассматривая случай Мехико, отмечают существование «полицентричной экспансии» – слияния небольших городов и сельской периферии и вхождения этих территорий в состав крупных городов (Aguilar, Ward 2003: 3). МакГи обозначает подобные регионы в Юго-Восточной Азии, формирующиеся вокруг крупных городов, термином *desakota* (комбинацией индонезийских слов, означающих «город» и «сельскую местность»), тем самым указывая на комплексный характер новых гибридов, сочетающих в себе сельские и городские функции и формы (McGee 1991).

Наконец, в эпоху глобализации границы городов становятся слишком гибкими и растяжимыми, а их социокультурный состав – все более разнородным, поэтому анализировать города в качестве единых и внутренне непроблематичных организмов представляется весьма проблематичным (Амин, Трифт 2002: 209).

Таким образом, можно заключить, что и в современных городских пространствах открываются возможности для формирования относительно устойчивых во времени групп, обладающих привязкой к месту и общей территориальной идентичностью. Для описания таких форм социальных общностей зачастую по-прежнему используется понятие «сообщество», но уже в понимании, сложившемся в иных теоретических традициях социологии и социальной антропологии. В этих традициях концепт сообщества

исторически опирается на *ассоциации с местом*: такую связь подчеркивают, в частности, труды, посвященные изучению тробрианцев, Б. Малиновского (Малиновский 2004) или восточных лондонцев – М. Янга и П. Уилмотта (Young, Willmott 1962); а также работы по социальной экологии города представителей Чикагской школы: Р. Парка, Э. Берджесса и Р. МакКензи (Park, Burgess, McKenzie 1925). Территориальный акцент в понимании феномена сообщества характерен также для знаменитой работы супругов Линд «Средний город. Исследование современной американской культуры» (Lynd, Lynd 1929), посвященной рассмотрению различных сфер жизни обитателей небольшого американского города Манси. Члены городских локальных сообществ, таким образом, могут быть объединены общим местом проживания, причем пространственное единство выступает неотъемлемой частью внешней и внутренней идентификации членов этих сообществ. Впрочем, критики отмечают, что современные городские комьюнити (например, досуговые и даже активистские сообщества) зачастую вовсе не являются территориальными, хотя кажутся таковыми: в реальности большинство их членов выстраивает сильные связи за пределами места проживания, что определяется высоким уровнем мобильности горожан и развитием информационных технологий (см., например: Иванов 2014).

Существует также направление исследований, в рамках которого «сообщество» рассматривается как группа людей, разделяющих *общие интересы, чувства и демонстрирующих схожее поведение* (Warner, Lunt 1941). Однако этот признак перестает быть релевантным, когда объектом исследования становятся крупные, внутренне гетерогенные сообщества и особенно «воображаемые сообщества» (Anderson 2006), члены которых не обязательно включены во взаимодействия лицом к лицу, хотя и обладают общей идентичностью, например, население крупных городских поселений.

Другие исследователи, такие как Р. Флетчер (Fletcher 1971: 148-166), а также Д. Кеер и Дж. Кеер (Keur, Keur 1995), видят в

сообществе практически *изолированную и автономную группу*. Однако в современных условиях глобализации найти сообщество, полностью исключенное из экономических и социокультурных связей разного уровня, – практически невыполнимая задача.

Сторонники теории социального капитала (например, Р.Д. Патнэм) в качестве отличительной особенности сообщества выделяют *наличие у его членов сильных внутригрупповых связей* (Putnam 2000). Впрочем, данное свойство проблематично отнести к универсальным характеристикам современных городских локальных сообществ, которые зачастую либо опираются на слабые социальные связи, либо вообще формируются лишь при возникновении внешней угрозы (например, в ходе борьбы против уплотнительной застройки или сносов) и немедленно распадаются после разрешения проблемы. Более того, преобладающей формой взаимодействия в городском пространстве, в том числе между соседями, сегодня становится так называемая «легкая социальность» (Amin, Thrift 2002), предполагающая неполное вовлечение участников в коммуникацию, уважительную поверхностность этой коммуникации, ее эмоциональную сдержанность, но в то же время предельную доброжелательность (Самутина, Запорожец 2012: 16).

Вследствие диверсификации подходов к определению сообществ и одновременно стремительной трансформации социальных условий и форм бытования сообществ в *community studies* складывается кризисная ситуация. Наиболее радикально настроенные социальные ученые даже призывают отказаться от этого понятия ввиду невозможности его приложения к современной реальности. Так, еще Р. Уоррен эмоционально заявляет: «К черту сообщество! Ведь я даже не знаю, как зовут человека, который живет в доме напротив, в квартире 4В» (Warren 1969: 40). Уоррен считает, что понятие сообщество безнадежно устарело, так как слишком сильно связано в представлениях социальных ученых с незыблемыми и священными общностями доиндустриального прошлого (Там же:

42). Дж. Хиллери предпринимает попытку систематизации существующих определений сообщества, насчитывает их более сотни и в результате обнаруживает принципиальные сходства только в природе маленьких сельских сообществ (Hillery 1955: 111-123). К. Белл и Г. Ньюби полагают, что сообщество никогда не было и не может быть предметом исследования социальных наук, потому что единственная черта, роднящая все дефиниции данного понятия, – это наличие людей (Bell, Newby 1971: 29). Другие исследователи, напротив, демонстрируют более умеренный взгляд на проблему. Так, Дж. Шерер считает, что сообщества всегда существовали и будут существовать, просто нынешние сообщества стало не так легко обозначить: они стали менее заметными и очевидными, чем раньше (Scherer 1972: 2-3).

Выходом из теоретического тупика, на наш взгляд, может стать попытка определения сообщества с применением принципа «семейного сходства», введенного Л. Витгенштейном для описания понятий с нечеткими границами, таких как «языковые игры» (Витгенштейн 1994). Подобно тому, как в семье каждый человек обладает определенными чертами внешнего сходства с родственниками (скажем, напоминает мать и дядю формой носа, а отца и брата – цветом глаз), но при этом ни одна черта не является общей для всех членов семейства, различные разновидности сообществ также связаны друг с другом способами, не имеющими сквозного признака, на основе которого можно было бы четко определить границы «семьи» сообществ. Другими словами, существует множество устойчивых форм сообществ, связанных сложной сетью частичных подобий и обладающих в разных комбинациях такими признаками, как пространственная закреплённость, общность интересов, эмоций и поведения, относительная автономность и закрытость, преобладание сильных связей между членами. При этом не существует универсального признака, присущего всем сообществам без исключения.

Одно из подсемейств в рамках обширной «семьи» сообществ формируют городские локальные сообщества, основанные исключительно на отношениях соседства, сложившихся на

конкретной небольшой территории. Зачастую такие сообщества описываются в англоязычной социологической традиции термином «neighborhoods». Категорию «neighborhood» сложно корректно перевести на русский язык, так как она одновременно содержит социальные и пространственные коннотации. *Neighborhood* означает географически локализованное в рамках более крупной городской или пригородной территории сообщество, которое характеризуется общей системой интеракций и пространственной укорененностью, а также идентификацией жителей с общим районом расселения и общеразделяемыми символами (Schwirian 1983: 84). Кроме того, *neighborhood* можно описать как сообщество практики (англ. – community of practice), то есть «группу людей, которые имеют общие интересы в одной из областей человеческой деятельности, предпринимают коллективные действия и занимаются постоянным изучением волнующих их вопросов...» (Wenger 2001: 2339).

Как и другие сообщества практики, соседские сообщества, как правило, не могут быть точно определены через такие изменчивые параметры, как размер группы, продолжительность ее существования и соприсутствие членов; вместо этого *neighborhoods* отличают три основные характеристики (Wenger 2001):

1) наличие у членов *общих интересов и знания*. Членство в таком сообществе подразумевает хотя бы минимальные познания в области общих интересов (например, локальное знание, связанное с длительным проживанием на определенной территории: владение неформальной топонимикой, умение оптимизировать собственные маршруты в районе и пр.). Обладание специфическим знанием выступает фактором дистанцирования членов сообщества от других групп и конструирования символических границ сообщества;

2) наличие *взаимодействия* между членами сообщества (лицом-к-лицу и/или опосредованного), определяющего возможности их *коллективных действий*. Это могут быть, например, практики взаимодействия по организации субботников

или высадке деревьев, а также участие в протестных акциях, направленных на защиту территории от агрессивного редулопмента;

3) существование определенного набора *ресурсов*, необходимых в деятельности членов сообщества практики (общий опыт, память, символы, традиции взаимопомощи, надежные способы решения проблем и пр.).

Принято считать, что соседские сообщества обладают особым жизненным циклом (Hoover, Vernon 1959; Schwirian 1983), включающим такие стадии, как формирование, развитие, упадок, сокращение численности и (при оптимистичном сценарии) обновление. На каждой из этих стадий сообщество претерпевает изменения, связанные с социальным и культурным составом населения (например, ростом или сокращением его этнического разнообразия или статусной гомогенности), возрастной структурой населения (например, старение кварталов или, напротив, приток молодых семей с детьми), плотностью населения, интенсивностью использования городской территории и застройки и, наконец, качеством и состоянием жилого фонда.

Границы своего *neighborhood* зачастую по-разному определяются членами соседского сообщества (Hwang 2007). Процесс социального конструирования границ жителями может, в частности, зависеть от их возраста, гендера, семейного положения, уровня образования, профессиональной занятости, длительности проживания, степени вовлеченности в локальные сети и пр. Например, эти границы могут оказаться гораздо шире для молодых жителей, обладающих более высоким уровнем мобильности, чем для пожилых горожан; семьи с маленькими детьми будут включать в границы «своей территории» иные объекты (например, детские площадки или развивающие центры), чем одинокие яппи. Многие эмпирические исследования в Европе и США демонстрируют (отчасти) коллективный характер подобных определений, основанных на общеразделяемых символах, которыми могут становиться старые дома, узнаваемые элементы архитектурного ландшафта и даже

активные лидеры сообществ. Так, А. Хантер показал, что чернокожие жители Чикаго склонны определять свой *neighborhood* как несколько зданий или кварталов, основываясь на личном локальном знании, непосредственных интеракциях и эмоциональных переживаниях принадлежности, тогда как белые выделяют более крупную территорию с четкими географическими границами, опираясь на рациональное знание и ориентируясь на официальную городскую картографию (Hunter 1974).

Несмотря на то, что неформальные, конструируемые «снизу» границы *neighborhood* не всегда совпадают с официальными административными делениями, городские власти Западной Европы и Северной Америки зачастую обращаются к уровню соседских сообществ при принятии локальных политических и экономических решений. В частности, они ориентируются на вовлечение представителей соседских сообществ в стратегические управленческие процессы, связанные с городским планированием и формированием муниципальных бюджетов. Работа локальных сообществ со своей территорией может принимать различные формы. Так, в США получили широкое распространение «соседские ассоциации» (*англ.* – *neighbourhood associations*) – группы местных жителей или владельцев городской собственности, которые вместе следят за общественным порядком, организуют образовательные и развлекательные мероприятия, способствуют благоустройству района. Такие ассоциации порой могут быть институционализированными (например, если они приобретают статус неправительственных организаций), но чаще основаны на неформальных связях и общих повседневных практиках. Другим любопытным примером может послужить сложившаяся в Берлине социальная программа «Quartiersmanagement» (*англ.* – *neighbourhood management*), нацеленная на помощь социально уязвимым группам, живущим как в центральных районах города, так и на периферии, путем стимулирования групповой солидарности, идентичности, связанной с местом, и вовлечения горожан в процессы принятия решений (организация локальных

советов, получающих особое финансирование и имеющих возможность благоустраивать территории своих *neighbourhoods* и стимулировать развитие социальных связей между соседями посредством организации образовательных, развлекательных и благотворительных мероприятий).

Что же касается российского контекста, то здесь вопрос о существовании городских локальных (и, в частности, соседских) сообществ остается открытым. Так, высказывается подозрение о том, что в больших российских городах сообщества не в силах заменить кварталы с высоким уровнем анонимности (Иванов 2014). Горожане, возможно, даже идентифицируют себя с местом проживания (например, считая себя купчинцами или василеостровцами), однако субъективное ощущение принадлежности к общности соседей у них при этом отсутствует по причине низкой осведомленности о жизни соседей и нехватки общих интересов с ними. Таким образом, территориальная идентичность переживается жителями городов индивидуально, а не коллективно. Более того, в условиях неразвитой традиции гражданского участия и активизма, а также дефицита общеразделяемых символов ответственность горожан за территорию, маркируемую как «своя», зачастую ограничивается лишь частными квартирами. Лишь небольшая часть горожан демонстрирует готовность расширить границы «своего» пространства, включив в них свой подъезд, дом, двор, квартал, а может быть, и близлежащий парк, бульвар, площадь или даже весь район или город в целом (Тыканова, Хохлова 2011: 170-183).

С другой стороны, некоторые исследователи указывают на существующую в России историческую традицию локальной самоорганизации, основанной на отношениях соседства (Шомина 2010). Так, еще в дореволюционное время в Петербурге и Москве действовали инициативные общества по благоустройству городских территорий. Начиная с 1915 г. в крупных городах получили распространение такие формы взаимопомощи и социального контроля на местах, как домовые комитеты. Первоначально инициированные «сверху», органами государственной власти, после революции они превратились в

важный ресурс самозащиты горожан против мародерства и поджогов в хаосе гражданской войны, а также в единственную структуру, которая по возможности выполняла функции содержания домов и придомовых территорий (Там же: 3-4). В 1920-е гг. распространение получили молодежные коммуны, которые размещались в старых доходных домах и брошенных промышленных помещениях или селились в новых домах, возведенных в соответствии с духом борьбы против частной собственности и мещанского быта (в таких домах, среди которых в Ленинграде особую известность приобрели Дом-коммуна инженеров и писателей, в народе прозванный Слезой социализма, и Дом политкаторжан, отсутствовали кухни, а иногда и ванные комнаты) (Измозик, Лебина 2010). В этот же период появились первые жилищные товарищества – добровольные объединения горожан, нацеленные на защиту многоквартирных домов от разрушения и разграбления, – а также жилищно-строительные кооперативы. Наследником таких кооперативов в 1980-е гг. стали Молодежные жилищные комплексы, создатели которых не только стремились к созданию комфортной, благоустроенной жилой среды, но и активно работали над формированием добрососедских отношений. В период Перестройки зародились первые локальные протестные инициативы, объединившие жителей, отстаивавших качество своего жизненного пространства: например, противники уплотнительной застройки и сносов или борцы за право на приватизацию жилья (Шомина 2010: 4-5).

В настоящее время во многих российских городах существует такая форма локальной самоорганизации, как территориальное общественное самоуправление (ТОС). Преодолевая патерналистские установки в отношениях с муниципальными, региональными и национальными властями, которые во многом являются наследием советского времени, органы ТОС занимаются защитой и продвижением интересов горожан, реализуемых по месту совместного проживания, а также установлением отношений партнерства и сотрудничества (а) между соседями, (б) между отдельными жителями и

соседским сообществом, (в) между жителями и местными властями, а также внешними организациями и институтами. Масштабы таких структур могут варьироваться от советов подъездов и домовых комитетов до комитетов самоуправления целых микрорайонов (Неделько, Шомина 2003). Интересен также опыт движений жилищного самоуправления, изученных К. Клеман на примере Астрахани, где свыше 600 многоквартирных домов, то есть около трети всего жилого фонда города, перешли на непосредственное управление, при котором каждый собственник принимает на себя функции домовладельца (Клеман 2013).

Однако в целом подобные инициативы в российских городах все же имеют редкий и бессистемный характер. Каковы же основные препятствия, возникающие на пути местной самоорганизации горожан? Отчасти ответ на данный вопрос дает теория рационального выбора, рассматривающая индивидов как прагматичных акторов, нацеленных на максимизацию собственных материальных и символических выгод и минимизацию издержек (Kunz 2004). М. Олсон (Олсон 1995) конкретизирует данную теорию, концентрируясь на анализе прагматических, эгоистичных и рациональных мотивов решений членов группы, намеревающихся совершить коллективное действие. Целью подобного действия, как правило, выступает приобретение или удержание какого-либо общественного блага, то есть неотчуждаемого и доступного для всех, включая и тех, кто непосредственно не участвовал в его достижении (Там же: 13). В качестве примера такого вида благ может выступить благоустроенная территория двора или квартала.

Интересы членов группы основываются на оценке ожидаемых выгод от коллективного блага в соотношении с вносимыми в общее дело усилиями, причем специфика общественных благ (их неотчуждаемость и общедоступность) часто порождает так называемую «проблему безбилетника» – социальный эффект, при котором большинство членов группы занимает пассивную позицию, ожидая, что при негативном исходе коллективных

усилий они не понесут временных, финансовых, эмоциональных и прочих издержек, а при положительном – все равно не будут исключены из потребления достигнутых благ (Там же).

Рассматривая соотношение эгоистичного и коллективистского типов поведения в группе, Олсон связывает его с размером и устойчивостью такой группы: «Если участники большой группы рациональным образом пытаются максимизировать свое индивидуальное благосостояние, они не станут прилагать никаких усилий для достижения общегрупповых целей до тех пор, пока на них не будет оказано давление или каждому из них не будет предложен индивидуальный мотив к подобному действию, не совпадающий с общим интересом группы, мотив, реализуемый при условии, что члены группы возьмут на себя часть издержек по достижению общей цели» (Олсон 1995: 4). Сходную мысль высказывает и Г. Марголис, признающий, что действие индивида на благо группы может быть детерминировано и альтруистическими мотивами, однако указывающий на то, что альтруистическое действие также обладает определенной функцией полезности (Margolis 1982).

Исследования показывают, что горожане склонны осознавать необходимость коллективного действия для удовлетворения личных интересов в тех случаях, когда самоорганизация инициируется внешней угрозой, нависшей непосредственно над их жизненным пространством. Иными словами, большинство локальных инициатив разворачиваются в логике NIMBY (*англ.* – not in my back yard, что означает «только не в моем дворе»). В подобных ситуациях горожане выступают против размещения в своем дворе, микрорайоне или районе того, что они считают опасным и вредным. При этом такие активисты, озабоченные защитой «собственной», то есть по тем или иным основаниям (через практики памяти, пользования, преобразования и т.д.) «присвоенной» ими территории, являющейся значимой в их регулярном повседневном опыте, не возражают против возведения аналогичных объектов в других («чужих») местах (Hubbard 2005: 52). Отличительной чертой таких объединений является то, что они, «как правило, ...приобретают опыт

политического участия непосредственно в ходе протестных действий» (Белокурова, Воробьев 2010). Базируясь преимущественно на прагматических мотивах активистов, подобные локальные сообщества, отстаивающие свои права на городское пространство, зачастую остаются ситуативными (*англ.* – flash-communities), то есть немедленно распадаются после исчезновения внешней угрозы, вместо того чтобы трансформироваться в устойчивые объединения или стать частью сетевых образований общегородского уровня.

Основными социальными условиями, способствующими формированию и институционализации городских локальных сообществ, выступают небольшой размер локального сообщества; наличие в его составе представителей, способных выражать мнение группы во властных структурах (лоббистов); наличие локального лидера или группы лидеров, выражающих групповые, разделяемые членами сообщества интересы; наличие внутренних или внешних угроз; давление со стороны сильных групп интересов, эмоциональность требований членов сообщества, а также история физических, временных, эмоциональных инвестиций, вложенных горожанами в городское пространство, и наличие у них предыдущего опыта самоорганизации и коллективного действия. Напротив, социальными условиями, препятствующими самоорганизации локального сообщества, как правило, можно считать большое количество участников локального сообщества, не объединенных в микрогруппы; отсутствие человека или инициативной группы, готовых взять на себя ответственность за выражение мнения сообщества; гетерогенный состав по разнообразным социоэкономическим (в частности, таким как форма собственности на квартиры и траектории получения жилья) и социокультурным параметрам; отсутствие у сообщества предыдущего опыта самоорганизации (Тыканова, Хохлова 2011: 170-183).

Кроме «дилеммы безбилетника», заставляющей большинство горожан придерживаться пассивной позиции в ситуациях необходимости предпринять коллективное действие для

достижения общественного блага, самоорганизацию локальных сообществ в современном городском контексте затрудняют также патерналистские установки населения, привыкшего рассчитывать на помощь властей в решении проблем и готового по-прежнему делегировать всю ответственность за принятие политических и управленческих решений элитам разного уровня (Клеман, Мирясова, Демидов 2010; Гладарев 2011). Структура политических возможностей (Tilly 1978; Tarrow 1989), сложившаяся сегодня в крупных российских городах и характеризующаяся асимметричной коммуникацией между властями и населением и выраженной правовой неопределенностью (Туканова, Khokhlova 2013), также становится важным препятствием на пути формирования и развития городских локальных сообществ.

Литература

Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос, 2002, 3-4: 208-232.

Белокурова Е., Воробьев Д. Общественное участие на локальном уровне в современной России // Неприкосновенный запас, 2010, 2(70). URL:<http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/be8.html> (дата обращения: 25.02.2018).

Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.

Иванов П. Сцилла и Харибда: между мифами о городских сообществах, 2014. URL: <http://urbanurban.ru/blog/reflection/509/Stsilla-i-Kharibda-mezhdu-mifami-o-gorodskikh-soobschestvakh> (дата обращения: 21.03.2017).

Измозик В., Лебина Н. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920-1930-е годы. СПб.: Крига, 2010.

Клеман К. Астрахань: социальные движения и партизанская война // Городские движения России в 2009-2012 годах: на пути к политическому / Под ред. К. Клеман, О. Мирясовой, Б. Гладарева. М.: НЛО, 2013. С. 313-394.

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.

Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004.

Неделько С.И., Шомина Е.С. Самоорганизация населения как практика местного самоуправления // *Полития*, 2003, 4: 198-211.

Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995.

Самутина Н.В., Запорожец О.Н. Свой среди других: антропология нормы в пространстве царицынского парка: препринт. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Ситуативность рамок взаимодействия в условиях защиты локальными сообществами пространства Санкт-Петербурга // *Предел, граница, рамка. Интерпретация культурных кодов*. Саратов; СПб.: ЛИСКА, 2011. С. 170-183.

Шомина Е.С. Наш дом, наша улица. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010.

Aguilar A.G., Ward P.M. Globalization, Regional Development, and Mega-City Expansion in Latin America: Analyzing Mexico City's Peri-Urban Hinterland // *Cities*, 2003, 20(1): 3-21.

Amin A., Thrift N. *Cities: Reimagining the Urban*. Cambridge: Polity Press, 2002.

Anderson B. *Imagined Communities*. London; New York: Verso, 2006.

Beck U. *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1986.

Bell C., Newby H. *Community Studies: An Introduction to the Sociology of the Local Community*. London: George Allen and Unwin, 1971.

Brunt L. *Into the Community // Handbook of Ethnography / Ed. by Atkinson P., Coffey A., Delamont S, Lofland J*. London: Sage, 2001.

Duncan O.D. *Social Characteristics of Urban and Rural Communities*. New York: Wiley Chapman, 1950.

Fletcher R. *The Making of Sociology: A Study of Sociological Theory*, 2 vols. Vol. 2: *Developments*. London, 1971. Pp. 148-166.

Germani G. *Migration and Acculturation // Handbook for Social Research in Urban Areas / Ed. by Hauser Ph.M*. Ghent: UNESCO, 1964.

Hillery G.A. *Definitions of Community: Areas of Agreement // Rural Sociology*, 1955, 20(2): 111-123.

Hoover E.M., Vernon R. (eds.) *Anatomy of a Metropolis: The Changing Distribution of People and Jobs within the New York Metropolitan Region*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1959.

Hubbard P. Accommodating Otherness: Anti-asylum Centre and the Maintenance of White Privilege // *Transaction of the institute of British Geographers*, 2005, 30: 63-79.

Hunter A. *Symbolic Communities: The Persistence and Change of Chicago's Local Communities*. Chicago: University of Chicago Press, 1974.

Hwang J. *Perceptions and Borders of the Changing Neighborhood: A Case-study in Philadelphia*. Senior Honors Thesis. Stanford: Stanford University, 2007.

Keur J.Y., Keur D.L. *The Deeply Rooted: A Study of a Drents Community in the Netherlands*. Assen: Van Gorcum, 1995.

Koetter H., Krekeler H.-J. *Zur Soziologie der Stadt-Land-Beziehungen // Grossstadt. Massenkommunikation. Stadt-Land-Beziehungen: Handbuch der empirischen Sozialforschung. Band 10 / Hrsg. Koetter H., Koenig R. und Silbermann Ferdinand A. Stuttgart: Enke, 1977.*

Kunz V. *Rational Choice*. Frankfurt; NewYork: Campus Verlag, 2004.

Lynd R.S., Lynd H.M. *Middletown: A Study in Modern American Culture*. New York: Harcourt, Brace, 1929.

Margolis H.S. *Altruism and Rationality: A Theory of Social Choice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

McGee T.G. *The Emergence of Desakota Regions in Asia: Expanding a Hypothesis // The Extended Metropolis: Settlement Transition in Asia / Ed. by Ginsburg N., Koppel B., McGee T.G. Honolulu: University of Hawaii Press, 1991. Pp. 3-25.*

Merveldt D.G. *Grossstaedtische Kommunikationsmuster. Soziologische Darstellung von Kommunikationsmustern zur Kennzeichnung des Grossstaedters in seiner Umwelt*. Koeln: J.P. Bachem Verlag, 1971.

Pahl R.E. *Urbs in Rure: The Metropolitan Fringein Hertfordshire*. London: London School of Economics and Political Science, Geographical Papers, No. 2, 1965.

Park R., Burgess E.W., McKenzie R.D. *The City*. Chicago: University of Chicago Press, 1925.

Putnam R.D. *Bowling Alone: The collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000.

Scherer J. *Contemporary Community: Sociological Illusion or Reality*. London: Tavistock, 1972.

Schwirian K.P. *Models of Neighborhood Change // American Review of Sociology*, 1983, 9: 83-102.

Tarrow S. *Struggle, Politics and Reform: Collective Action, Social Movements and Cycles of Protest / Cornell studies in international affairs:*

Western Societies Program occasional paper, No. 21. [Ithaca, N.Y.]: Center for International Studies, Cornell University, 1989.

Taylor L., Jones A.R. Rural Life and Urbanized Society. New York: Oxford University Press, 1964.

Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1978.

Toennies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1969.

Tykanova E., Khokhlova A. Local Communities in St. Petersburg: Politicisation of Claims to Contested Urban Spaces // *Articulo: Journal of urban research, (Urban landscapes)*, 2013, 4. URL: <http://articulo.revues.org/2320> (дата обращения 12.03.2018).

Warner W.L., Lunt P.S. The Social Life of a Modern Community. New Haven: Yale University Press, 1941.

Warren R.L. Toward a Reformulation of Community Theory // *The Community: A Comparative Perspective* / Ed. by French R.M. Itasca, Illinois: F.E. Peacock, 1969. Pp. 267-274.

Wellman B. Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities. Oxford: Boulder, CO: Westview Press, 1999.

Wenger E. Communities of Practice // *International encyclopedia of the social and behavioral sciences*. New York: Cambridge University Press, 2001. Pp. 2234-2241.

Whetten N.L. Suburbanization as a Field for Sociological Research // *Rural Sociology*, 1951 (16): 319-330.

Wirth L. Urbanism as a Way of Life // *Classic Essays on the Culture of Cities* / Ed. by Sennett R. New York: Appleton-Century-Crofts & Meredith Corporation, 1969.

Young M., Willmott P. Family and Kinship in East London. Harmondsworth: Penguin Books, 1962.